Студенческое движение на сломе эпох: уроки истории

Этой осенью исполняется двадцать лет с начала «бархатных» революций в европейских государствах бывшего социалистического лагеря. Движущей силой массовых выступлений протестного характера выступила молодежь. Политические реалии начала XXI в. и в мире в целом, и на пространстве бывшего СССР заставляют нас вновь и вновь обращаться к событиям того периода, проводить своеобразную инвентаризацию поля возможных решений, чтобы вовремя заниматься назревшими проблемами, а не накапливать их.

Анализ причин и последствий молодежных бунтов представлен в историко-политологическом исследовании **Л. Терновой и К. Николаева «Студенческие революции: социально-инновационный прорыв»** (М.: Интердиалект+, 2009). Предлагаем читателям фрагменты из монографии.

Революции конца 1980-х гг. в Центральной и Восточной Европе и последующие «цветные» революции на постсоветском пространстве и попытки таких же революций в других регионах стали социальным продуктом эпохи постмодерна. В отличие от революций эпохи модерна, как буржуазных, так и антибуржуазных, они не обладали известной долей рациональности, свойственной модерну. Язык и проблематика, сформированные в эпоху Просвещения, задавали ту матрицу, на которой вырастали представления о мире и обществе, о правах и справедливости, о власти и способах ее свержения, о компромиссах и войне групп и классов. Под доктринами революций обязательно находился центральный текст, корнями уходящий в ту или иную мировую религию. Силы, оппозиционные власти, могли объединяться или раскалываться в связи с трактовкой этого текста. Однако все это происходило в определенной системе координат, по строго соблюдаемым правилам, а установки и векторы устремлений политических сил можно было соотнести с соответствующими доктринальными паттернами.

Переход на постмодернистскую парадигму разрушал эти матрицы и соответствующие им центральные тексты. Такие теоретики постмодерна, как Ж. Деррида или Ж. Делёз, указывали на их деструкцию. В этих условиях проблема истины или правильности понимания аксиом и формул исчезла, исчезли и сами аксиомы, они больше не складывались в системы. Цели и аргументы, в том числе оппозиционных сил, перестали соответствовать причинно-следственным связям. На индивидуальном уровне такой переход был ознаменован всплеском немотивированных преступлений, которые происходили как в реальном мире, так и в виртуальном в виде киберпреступности. Их можно было объяснить тем, что категории права, возникшие как продукт модерна, оказывались неадекватными природе социальных патологий постмодернистского мира. На коллективном уровне наблюдался всплеск рационально не мотивированных конфликтов, вспышек насилия, бессмысленных бунтов. Часто они выражались в выступлениях на национальной почве. Но все такие каналы активности не могли не учитываться политтехнологами новых революций.

Общее в «бархатных» и «цветных» революциях заключается в том, что они в качестве одного из главных своих средств имеют шумное, красочное уличное действие невооруженной толпы, как правило, в столице государства. Это – «ландшафтный театр», политический спектакль, поставленный с применением специальных технических и художественных средств, со смешанными ролями зрителя и участника. Поэтому он оказывает огромное воздействие на сознание как вовлеченных в него людей, так и зрителей, как непосредственных, так и наблюдающих шоу по телевидению. Практически всегда эти революции становятся представлением, к трансляции которого сейчас привлекаются мировые СМИ.

Главной задачей организаторов такой революции является формирование соответствующей их целям массы. Это означает не просто привлечение к действию достаточного числа людей, а их концентрации в конкретных точках пространства, которые можно считать сакральными с точки зрения господствовавшей политической мифологии. Эти места как средоточие «силы» и «власти» должны удерживать в течение необходимого времени массу, способствовать обработке сознания участников революции. Известно, что еще с 1960-х годов, не без влияния идеологов нового левого движения социальная психология перешла к массированным экспериментальным исследованиям, на базе которых и вырабатывались поведенческие технологии. Позже опыт таких воздействий неоднократно пополнялся.

Молодежные и в значительной части студенческие движения «Отпор», «Хмара» и «Пора» стали «моторами» цветных революций в Югославии, Грузии и Украине. Но эти «моторы» постоянно получали «топливо» со стороны иностранных правозащитных институтов. Можно отметить, что Freedom House имел немало своих стипендиатов в Украине. Также еще осенью 2004 года Европейский союз заявил о выделении украинским общественным организациям почти миллиона евро для развития правозащитной деятельности [1].

Директор отдела Европы и Евразии американского национального фонда «За демократию», финансируемого Конгрессом США, Надя

Дьюк оказалась в составе миссии международных наблюдателей за президентскими выборами в Украине 21 ноября 2004 года. Она пишет, что у нее в Киеве было ощущение, аналогичное тому, какое она «испытала студенткой в Варшаве в 1980 году, когда массовые уличные демонстрации и появление профсоюза «Солидарность» повергли в замешательство коммунистическое правительство Польши. В то время одного жеста или демонстрации символа – красно-белого логотипа «Солидарности» – было достаточно для передачи целого набора надежд, отношений и эмоций. А теперь оранжевый цвет является символом во всем Киеве. Каждый понимает, что стоит на кону, и каждый хочет быть в едином строю. Чехи бренчали ключами, сербы показывали кулаки, грузины выбрали себе розу, а теперь вот украинцы носят оранжевое... Молодежные группы обыкновенно составляют активный авангард. В Словакии молодые люди руководили большинством неправительственных организаций, которые выступали против премьер-министра Владимира Мечьяра; движение «Отпор» в Сербии стало знаменитым примером привлекающего к себе внимание сочетания уличных театров, гражданского неповиновения и резкой политической оппозиции, которое оказалось исключительно эффективным в деле мобилизации оппозиции; а молодежная группа «Хмара» в Грузии использовала аналогичную тактику, чтобы придать силы движению, которое в ноябре 2003 года сместило правительство. Некоторые комментаторы полагают, что сходство их действий доказывает, что они все являются частью поддерживаемого Соединенными Штатами заговора. Подобные обвинения сегодня предъявляются украинской молодежной группе «Пора», которая успешно высмеивала власти, проводила уличные парады и ложилась на автомагистрали, чтобы заблокировать автобусы с правительственными марионетками, которым в день выборов было приказано голосовать. Выступления в поддержку демократии членов молодежного движения Украины передаются от поколения к поколению. Даже название «Пора» мгновенно узнается как ключевое слово революционного гимна поэта XIX века Ивана Франко, который призывал своих соотечественников восстать против иноземных угнетателей и бороться за свободу» [2].

После 1989 года в понятийный аппарат политической науки вошли самые разнообразные определения революционных перемен. Интересно, что применительно к странам Центральной и Восточной Европы эти определения не носили национальной окраски. И следующий этап революционных трансформаций внес новизну в дефиниции, исходя из использованной участниками событий символики. Так появились «революция роз», «оранжевая революция». Были и варианты называть некоторые взлеты социальной активности «тюльпанной» и «шафрановой» революциями. Но со временем этот романтически-цветочный настрой потерял свои призывные характеристики. Может быть, ситуация в странах, где назрела потребность в подобных преобразованиях, оказалась слишком далекой от революционного романтизма, а может, здесь не проявилось творчества политтехнологов. Так, в июле 2008 года события в Монголии стали разворачиваться по сценарию, названному «революцией юрт». На многотысячном митинге в Улан-Баторе, организованном оппозиционной Демократической партией, прозвучал протест против победы на парламентских выборах Монгольской народной революционной партии. Протестующие закидали здание МНРП камнями и бутылками с зажигательной смесью. Обвинили победителей в использовании административного ресурса и потребовали пересчета голосов [3].

О чем говорит опыт такого типа общественного протеста? О том, что становление демократии является важнейшей частью общего процесса трансформации в рамках смены общественной системы. Такая смена состоит из трех этапов: либерализации, демократизации и консолидации. Перемены свойственны уже первому этапу. Но вот трансформация, ее последствия становятся за-

Представления посетителей сайта Dumaem.ru о развитии революционной ситуации на постсоветском пространстве (от мирной – 1 балл до тревожной – 5 баллов)

	Украина	Киргизия	Грузия	Молдова	Азербайджан	Узбекистан	Казахстан	Россия	Белоруссия	Армения	Таджикистан	Туркмения
Структурная слабость политических систем	4	4	4	4	3	3	2	3	2	3	3	2
Кризис социальной базы режима	4	4	4	4	3	4	3	3	3	3	4	3
Развитая оппозиция	4	3	3	3	3	3	2	2	2	2	3	2
Конфликт элит	4	4	4	3	3	3	3	3	2	3	3	2
Непопулярный официальный лидер	4	3	3	3	3	3	2	2	2	3	3	2
Популярный лидер оппозиции	4	3	3	3	3	2	2	2	2	2	2	2
Геополитические интересы внешних сил как фактор применения техники бархатных революций	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Близость выборов	4	2	3	3	3	2	3	3	3	3	2	2
Средний балл	4,0	3,4	3,5	3,4	3,1	3,0	2,0	2,8	2,5	2,9	3,0	2,4

метными только на следующих этапах – демократизации и консолидации. Однако фазы трансформации в политике – демократизация процессов принятия политических решений, в экономике – создание эффективной рыночной экономики, в обществе – формирование подлинного гражданского общества – при одновременном протекании могут не совпадать по длительности. В развивающихся странах особенно заметно либо полное отсутствие гражданского общества, либо его заметное отставание по темпам развития от процесса трансформации в политике и экономике. Эта же закономерность проявилась и в странах с переходной экономикой.

Можно согласиться с В. Меркелем в идентификации следующих уровней трансформации:

- институциональная трансформация включает на макроуровне формирование таких центральных институтов, как президент, парламент, правительство, судебная власть, а также развитие избирательной системы. Правовое закрепление упомянутых институтов происходит в рамках конституции, которая определяет избирательную систему. Институциональная трансформация, затрагивающая центральный уровень, воздействует на репрезентативную и поведенческую трансформацию путем принятия «нормативных, структурирующих и ограничивающих дееспособность мер»;
- репрезентативная трансформация на мезоуровне охватывает территориальное (через партии) и функциональное (через объединения) представительство интересов. От ее успеха зависит, каким образом будут консолидироваться нормы и структуры на центральном уровне и будет ли успешной поведенческая трансформация;
- поведенческая трансформация считается достигнутой, если влиятельные деятели мезоуровня, например военные, представители служб безопасности, генеральные директора государственных предприятий, новые частные предприниматели, банкиры и т. п., стараются отстаивать свои интересы в рамках перечисленных демократических институтов, а не вне их или даже в конфликте с ними.

Эти уровни трансформации в случае успеха создают решающий импульс для формирования гражданского общества, которое в свою очередь оказывает стабилизирующее воздействие на демократию. И трансформация заканчивается только после формирования гражданского общества, выступающего в качестве социально-политического фундамента [4]. Анализируя трансформацию в странах Центральной и Восточной Европы, следует отметить, что там оказались пройденными все уровни трансформации. Но если прохождение институционального и репрезентативного уровней заняло сравнительно короткое время, то проблема смены поведенческих паттернов не могла быть решена в ускоренном порядке. И лишь интеллигенция и студенчество, стоявшие у истоков бархатных революций, оказались подготовленными к следованию новым поведенческим моделям.

Но эта готовность к включению в протестные акции не означала постоянного пребывания в состоянии сопротивления власти. Эрик Хоффер пишет: «Причина трагической судьбы акушеров массового движения – интеллигентов – в том, что они, сколько бы ни проповедовали и ни прославляли объединенное усилие, остаются, в сущности, индивидуалистами. Они верят в личное счастье и в ценность личного мнения и личной инициативы. Но, как только движение становится на рельсы, власть переходит в руки тех, кто не верит в личность и не уважает ее» [5]. И это наблюдение, в основном подтвержденное практикой государств Центральной и Восточной Европы, также отразилось на практике последующих протестных движений.

Развитие молодежного и студенческого движения в странах Центральной и Восточной Европы подтвердило наличие динамики альтернатив и гармонии в социальном становлении молодежи. Пики этих процессов во многом совпадают с аналогичным течением взлетов и падений социальной напряженности в обществе. Ограниченность студенческого статуса годами учебы в вузе спрессовывает эти процессы во времени, и они порой порождают впечатление то полной нестабильности студенческого движения, то глубокой аполитичности, социальной апатии студенческой молодежи.

Опыт студенческого движения стран ЦВЕ может рассматриваться

как вклад в развитие движения общественного протеста в целом, независимо от антитоталитарной, антиавторитарной или иной формы его проявления. В этом студенческом движении, как когда-то в «новом левом» движении на Западе, в студенческих выступлениях в бывшем СССР в начале 1990-х гг., в постоянно возникающих подъемах активности южнокорейских студентов, даже на самой ранней стадии движения Талибан, которое тогда было представлено афганскими студентами высших духовных школ, проявилась свойственная студенчеству быстрая и резкая реакция на общественную несправедливость, на сужение социальных перспектив молодежи, экономические проблемы и пр. Все это мы видим и в современных всплесках студенческого протеста. Осенью 2008 г. они ярче всего обозначились в Греции [6].

Созидательный потенциал, заложенный в системе высшего образования, не позволил участникам этих революций брать за основу концепцию разрушения старого мира до основания, чтобы затем, на его основе строить свой новый мир. «Бархатный» вариант перехода в постсоциализм способствовал сохранению логики преемственности поколений, но уже без ее прежнего идеологического насыщения. В такой преемственности можно увидеть залог социального прогресса. Здесь можно вспомнить утверждение Уинстона Черчилля, что отличие государственного деятеля от политика состоит в том, что политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель на следующее поколение [7].

В последние годы молодежная политика получила признание права на существование. Но она до настоящего времени слабо дифференцируется в зависимости от разных категорий молодого поколения. К студентам все чаще стали апеллировать политики, не скупясь на обещания. На деле же эти обещания выполняются не столь щедро. Опыт стран Центральной и Восточной Европы подтвердил, что студенческая молодежь является той частью населения, которая очень быстро из законопослушной массы может превратиться в детонатор крупных социальных перемен.

Литература

1. Christian Science Monitor. 2004.08.12.
2. www. podrobnosti.ua/ outeropinion/ 2004/1228.164324html
3. www.regnum.ru /news/ 1022020.html
4. *Merkel W.* Transformationsstrategien: Probleme, Erfahrungen und Grenzen // Internationale Politik. 1995. H. 6. S.3 // Цит. по: Вестник аналитики. 2004. № 2(16).
5. *Хоффер Э.* Истинноверующий. Личность, власть и массовые общественные движения. М., 2004. С.161.
6. *Низамов Н.* Безутешная мать порядка // Коммерсантъ-власть. 2008. № 49.
7. kuraev.ru/index.php?option=com_smf&Itemid=63&topic=7358.0

Год молодежи. Что читать

Студенчество в многонациональных мегаполисах и крупных городах России: этническое самосознание и межэтнические отношения: материалы научно-практической конференции, 20 октября 2008 года / И.Н. Барциц [и др.]; ред.-сост. Шишова Ж.А.; РАГС. М.: Социум, 2009. - 107 с.	В сборнике представлены итоги социологического исследования, посвященного комплексному анализу современного состояния межэтнических отношений в студенческой среде, а также изучению особенностей этнического самосознания студенчества. Даны результаты социологического исследования, посвященного комплексному анализу современного состояния межэтнических отношений, а также изучению особенностей этнического самосознания студенчества.
Байков Н.М. Общественные молодежные организации как детерминирующий фактор самореализации молодежи / Н.М. Байков, Ю.В. Березутский; ДВАГС. - Хабаровск: ДВАГС, 2009. - 83 с.	В работе проанализирована система взаимодействия и координации региональных органов власти по делам молодежи с общественными молодежными организациями, дан анализ состояния и динамики изменения особенностей формирования, функционирования и развития общественных молодежных организаций. Автор выявляет основные условия, факторы и проблемы общественного молодежного движения в регионе.
Каландаришвили З.Н. Актуальные проблемы правовой культуры российской молодежи: монография / Каландаришвили Зураб Нодарович; Санкт-Петербургский ин-т внешнеэкономических связей, экономики и права, Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области. - СПб.: ИВЭСЭП: Знание, 2009. - 168 с.	В доступной форме и на высоком профессиональном уровне в рамках курса «Современные глобальные проблемы мировой политики» исследуются такие аспекты, как мировой энергетический баланс, глобальные проблемы водных ресурсов, климата и экологии, демографии и миграции, социально-экономические аспекты «глобального Юга» и содействие развитию (безопасность личности и человеческое развитие, права человека, международный терроризм как угроза безопасности личности, Россия и содействие России). Особое внимание уделено определению и классификации наркотических и психотропных веществ, режиму нераспространения ядерного оружия, информационным технологиям и их глобальным возможностям.
Жижина М.В. Медиакультура. Культурно-психологические аспекты / Жижина Мария Викторовна. М.: Вузовская книга, 2009. 186 с.	Монография посвящена проблемам психологии медиакультуры как новой социальной реальности. Культурно-психологическая компетентность рассматривается в качестве категории медиапсихологии, фактора поведения в поликультурной среде, ресурса и условия адаптации личности в меняющемся социальном пространстве. Раскрыты структура и функции культурно-психологической компетентности, а также эффекты влияния масс-медиа на молодежную аудиторию.